

DOI: 10.31857/S013038640014907-5

© 2021 г. М.А. ПЕТРОВА

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века

(на примере биографий И.М. Симолина и П.А. Левашева)

Петрова Мария Александровна — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Researcher ID: V-2400-2019

Аннотация. В статье восстанавливаются этапы карьеры известных российских дипломатов второй половины XVIII в. Ивана Матвеевича Симолина и Павла Артемьевича Левашева, чьи пути неоднократно пересекались — в Копенгагене, Вене и Регенсбурге, что создавало между ними почву для напряженности. Анализируя переписку дипломатов, сохранившуюся в Архиве внешней политики Российской империи и Российском государственном архиве древних актов, автор приходит к выводу, что для продвижения по служебной лестнице они действовали примерно одинаково: постоянно напоминали о себе руководителям Коллегии иностранных дел А.П. Бестужеву-Рюмину, М.И. Воронцову, Н.И. Панину и А.М. Голицыну, оказывали им услуги в приобретении произведений искусства или предметов роскоши, зорко следили за реальными и потенциальными соперниками. Отсутствие меры в реализации подобной стратегии, попытки слишком громко заявлять о себе или компрометировать коллег не поощрялись руководством российского внешнеполитического ведомства. Существовали и объективные факторы, мешавшие карьерному росту дипломатов, которые они не всегда были готовы учитывать: отсутствие вакантных постов, успешное выполнение соперниками своих обязанностей, а также конфликты с иностранными дворами, при определенных обстоятельствах не позволявшие российским монархам из соображений государственного престижа производить необходимые замены. Биографии Симолина и Левашева показывают, как принцип личной выслуги, заложенный Петром I в Табели о рангах 1722 г., работал в Коллегии иностранных дел и как регулировал ее кадровую политику.

Ключевые слова: дипломатия, Российская империя, дипломаты, Коллегия иностранных дел, карьера, И.М. Симолин, П.А. Левашев, А.М. Голицын, биографии.

M.A. Petrova

Career Strategies of Russian Diplomats in the Second Half of the Eighteenth Century (the Cases of I.M. Simolin and P.A. Levashev)

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Researcher ID: V-2400-2019

Abstract. The article examines the careers of the famous eighteenth-century Russian diplomats Ivan Matveevich Simolin and Pavel Artemyevich Levashev, whose paths repeatedly crossed – in Copenhagen, Vienna, and Regensburg, creating tension between them. Analysing the correspondence of diplomats preserved in the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Archive of Ancient Documents, the author concludes that they acted in the same way to get a promotion: they constantly reminded of themselves to the superiors in the College of Foreign Affairs A.P. Bestuzhev-Ryumin, M.I. Vorontsov, N.I. Panin, and A.M. Golitsyn, helped purchase pieces of art or luxury goods, and kept a keen eye on their real and potential rivals. Their lack of moderation in the implementation of such a strategy, blatant attempts to show off, or to compromise colleagues were discouraged by the leadership of the Russian foreign office. There were also objective factors that hindered the career advancement of the two diplomats, which they were not always ready to take into account: the lack of vacant posts, the successful activities of their rivals, as well as conflicts with foreign courts, that, under certain circumstances, did not allow Russian monarchs to make necessary replacements for reasons of state prestige. The cases of I.M. Simolin and P.A. Levashev show how the principle of personal service, fixed by Peter I in the Table of Ranks of 1722, worked in the College of Foreign Affairs and how it regulated its personnel policy.

Keywords: diplomacy, Russian Empire, College of Foreign Affairs, diplomats, career strategies, I.M. Simolin, P.A. Levashev, A.M. Golitsyn, biographies.

Развитие европейской дипломатии в раннее Новое время пошло по пути создания постоянных дипломатических представительств, главы которых представляли своих государей на международной арене. Кадры для дипломатической службы поначалу рекрутировались из придворной среды. Посол в первую очередь должен был иметь аристократическое происхождение и уметь вести себя при дворе, чтобы оказать честь государю иностранному и достойно представить своего государя на международной арене. Даже XVIII столетие, эпоха профессионализации дипломатической службы, дает немало примеров, когда важные посты поручались знатным и влиятельным людям, не имевшим опыта работы за границей. Но постепенно европейские монархи стали более внимательно относиться к отбору кадров, встраивая аристократов в структуру внешнеполитических ведомств или привлекая на службу людей более скромного происхождения, которые достигали успеха благодаря своим способностям и трудолюбию, а также при наличии покровителей, готовых заметить эти ценные качества¹.

В статье на примере биографий известных российских дипломатов Ивана Матвеевича Симолина и Павла Артемьевича Левашева предпринята попытка показать, как принцип личной выслуги, заложенный Петром I в Табели о рангах 1722 г., работал в Коллегии иностранных дел (КИД) во второй половине XVIII в. и как регулировал ее кадровую политику². Выбор героев обусловлен во многом тем, что они имели примерно одинаковые исходные данные для начала карьеры, их пути пролегли через одни и те же точки на карте Европы и даже несколько раз пересекались, что периодически приводило к соперничеству между ними.

¹ См. о ситуации в Европе: *McKay D., Scott H.M.* The Rise of Great Powers, 1648–1815. London – New York, 1983. P. 201–214; *Bély L.* L'invention de la diplomatie // Pour l'histoire des relations internationales / red. R. Frank. Paris, 2012. P. 107–137.

² Проблемы кадровой политики Коллегии иностранных дел затронуты в общих работах по истории ведомства: *Турилова С.Л.* История внешнеполитического ведомства России (1700–1832 гг.). К 200-летию МИД России. М., 2000; *Стегний П.В.* Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2002. № 1 (20). С. 5–28; *Joukovskaia A.* Le service diplomatique russe au XVIII^e siècle. Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères: diss. Paris, 2002; *Петрова М.А.* «Интерес Наш востребовал учинить перемену мест»: назначения на дипломатические посты в первые годы правления Екатерины II // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840005221-2-1/> (дата обращения 18.05.2021).

Иван Матвеевич (Иоганн Матиас) Симолин (1720/1721–1799), сам себя называвший ливонским дворянином, был сыном шведского пастора из города Або (Турку), семья которого перешла в подданство Российской империи после Северной войны. Павел Артемьевич Левашев (1727/1728–1820) происходил из древнего дворянского, но обедневшего рода. Свою деятельность в Коллегии иностранных дел оба начали (первый – в 1743 г., второй – в 1750 г.), скорее всего, по протекции влиятельных родственников и примерно за год до их смерти. Дядя Симолина Карл фон Бреверн (1704–1744) был конференц-министром императрицы Елизаветы Петровны. В Коллегии иностранных дел с 1740 г. служил и родной брат Ивана Матвеевича Карл³. Левашеву покровительствовал генерал-аншеф Василий Яковлевич Левашев (1667–1751), в 1744–1751 гг. московский главнокомандующий, участник антиосманского Крымского похода 1736 г. Павел Артемьевич был еще мальчишкой зачислен на военную службу в ходе этого похода, а к 1750 г. дослужился до поручика. В том же году, оставаясь на военной службе, он был прикомандирован к Коллегии иностранных дел и по распоряжению канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (1744–1758 гг.) отправлен «с нужными депешами в Стокгольм и в Копенгаген»⁴.

Именно Копенгаген стал первым постоянным местом дипломатической службы и для канцелярии юнкера Симолина в 1744 г., и для поручика Левашева в 1750 г. Главой российской миссии в датской столице с 1740 г. был курляндец Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766), в 1734–1740 гг. президент Академии наук в Петербурге. Он принял живое участие в судьбе Левашева, получившего в 1751 г. чин капитана, свидетельствовал об усердных занятиях своего подопечного иностранными языками и переводами, характеризуя его как человека, способного к дипломатической службе⁵.

В 1748–1752 гг. Симолин служил в Стокгольме секретарем посольства при посланнике Никите Ивановиче Панине (1718–1783), будущем главе Коллегии иностранных дел, а в 1752 г. снова получил назначение в Копенгаген. Левашева, постоянно болевшего в сыром датском климате, в том же году перевели из Копенгагена в Дрезден под начало российского посланника, уроженца Курляндии графа Германа Карла фон Кейзерлинга (1697–1764)⁶, а затем вместе с ним – в Вену в качестве дворянина посольства. Однако манил молодого человека Восток. Узнав, что в 1755 г. Россия собирается отправить в Константинополь торжественное посольство с поздравлением султану Осману III по случаю его восшествия на престол, Павел Артемьевич написал канцлеру Бестужеву, что имеет «крайнюю охоту и желание, дабы видеть сие государство, где б я надеялся получить чрез самого себя довольно об оной земле знание и оно со временем к высокой ея императорского величества службе употребить»⁷. Левашев был готов отправиться в Константинополь в качестве секретаря посольства и даже потратить на поездку из Вены и обратно свои деньги, но его прошение не было удовлетворено.

В начале Семилетней войны, 12 (23) ноября 1756 г., императрица Елизавета Петровна приняла решение открыть в Регенсбурге дипломатическое представительство при

³ См. автобиографии братьев Симолиных: «Скаска» елизаветинской России (опрос сановников, сотрудников госучреждений, придворных при дворе Елизаветы Петровны, 1754–1756 гг.) / публ. (и вступ. ст.) К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XV. М., 2007. С. 134–135.

⁴ См. автобиографию П.А. Левашева: Там же. С. 113–114.

⁵ См. реляции Корфа от 16 октября 1750 г. и 18 февраля 1752 г. (ст. стиль) // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 51. Сношения России с Данией. Оп. 1. 1750. Д. 3а. Л. 5–5 об.; 1752. Д. 3. Л. 75–75 об. Документы КИД датированы старым стилем; дипломаты, находившиеся за границей, использовали преимущественно двойные даты, иногда новый стиль. Корф был одним из немногих, кто датировал документы старым стилем.

⁶ См. упоминание указа от 17 декабря 1751 г. о назначении Левашева в Дрезден в реляции Корфа от 18 февраля 1752 г. // Там же. 1752. Д. 3. Л. 75.

⁷ Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1755. Д. 4а. Л. 437–437 об.

Постоянном рейхстаге Священной Римской империи германской нации, назначив туда резидентом секретаря посольства в Вене Георга Генриха Бютнера⁸. На его место из Копенгагена перевели секретаря посольства И.М. Симолина с жалованьем 600 руб. в год⁹, возможно, по протекции посла Кейзерлинга, на дочери которого был женат дядя Симолина, тогда уже покойный К. фон Бреверн. Левашев не мог претендовать на пост секретаря посольства, поскольку официально не был причислен к Коллегии иностранных дел. Еще в 1753 г. он обращался с прошением к Елизавете Петровне перевести его с военной службы на гражданскую, но по неизвестным причинам оно не было удовлетворено¹⁰. Поэтому весной 1757 г. дворянина посольства Левашева определили в помощь Бютнеру с жалованьем 400 руб. в год «для употребления в корреспонденции и в других потребных исправлениях», дабы он «способной иметь мог случай к приобретению точного знания об узаконениях Римския империи и обо всем до того касающемся»¹¹. Однако его отъезд был отложен на несколько месяцев из-за задержки жалованья¹².

Примерно в это же время Левашев закончил работу над переводом на русский язык двухтомного издания трактата французского дипломата и литератора Франсуа де Кальера (1638–1715) «Каким образом договариваться с государями»¹³, которую начал еще в 1751 г. в Копенгагене. Первый том переводчик посвятил канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, второй – вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову (1714–1767). Посвящения, витиеватым слогом прославлявшие добродетели, таланты и достижения руководителей Коллегии иностранных дел, должны были обратить их благосклонное внимание на переводчика. Рукопись небольшого формата, переписанная набело переписчиком на бумаге с золотым обрезом и облаченная в кожаный переплет, была отправлена в Петербург при письме Левашева Бестужеву от 28 марта (7 апреля) 1757 г. В нем отправитель признавался, что рождением своим обязан родителям, а канцлеру, отправившему его в чужие края, – лучшей жизнью¹⁴. О реакции Бестужева и Воронцова на перевод ничего не известно. На томе, адресованном вице-канцлеру, есть только канцелярская помета, что рукопись от него прислана в коллегию 30 декабря 1757 г.¹⁵ Канцлер, скорее всего, тоже ознакомился с текстом, однако особой роли в карьере Левашева этот оригинальный подарок не сыграл.

16 (27) февраля 1758 г. в Регенсбурге скоропостижно скончался резидент Бютнер. За несколько дней до смерти он сообщил о своем безнадежном состоянии послу в Вене Кейзерлингу, и тот спешно отправил в Регенсбург своего камермейстера Фридриха Вильгельма Крейдемана «для запечатания архива». Сообщая об этом руководителям коллегии, посол рекомендовал на освобождавшийся пост Симолина, отдавая должное его способностям и многолетней службе¹⁶. В реляции на имя Елизаветы Петровны от 24 февраля (7 марта), составленной уже после смерти Бютнера, Кейзерлинг призывал как можно скорее назначить нового резидента, чтобы пост при рейхстаге, крайне

⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 136. СПб., 1912. С. 409. Рескрипт Бютнеру о назначении от 31 декабря 1756 г. был отправлен только 8 февраля 1757 г.

⁹ См. об этом в реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 22 марта (2 апреля) 1757 г. из Вены // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1757. Д. 6а. Л. 4–4 об.

¹⁰ Там же. 1753. Д. 4а. Л. 50–50 об.

¹¹ См. об этом в рескрипте Г.Г. Бютнеру от 31 марта 1757 г. // Там же. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1756. Д. 2. Л. 46.

¹² См. об этом в реляции Г.К. Кейзерлинга от 31 мая (11 июня) 1757 г. // Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1757. Д. 6а. Л. 216–216 об.

¹³ *Callières F. de. De la manière de negocier avec les souverains: ou De l'utilité de Négociations, du Choix des Ambassadeurs & des Envoyés, & des Qualités nécessaires pour reussir dans ces Emplois / Par Mr. de Callières... Nouvelle Edition, considerablement augmentée par M****: in 2 vols. London, 1750.*

¹⁴ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1757. Д. 6а. Л. 305–305 об.

¹⁵ Там же. Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 6. Д. 5656. Л. 1.

¹⁶ Письма Бестужеву и Воронцову от 18 февраля (1 марта) 1758 г., идентичные по содержанию // Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1758. Д. 6. Л. 74–74 об., 78–79.

важный для России в разгар войны, не пустовал, предлагая рассмотреть кандидатуру Симолина, имевшего все необходимые для этого качества и навыки, а также знание имперского законодательства¹⁷. Свое мнение посол повторил в письме вице-канцлеру Воронцову от 24 марта (4 апреля) 1758 г.¹⁸

Пока же Кейзерлинг отправил в Регенсбург Левашева, всеподданнейше напомнив Елизавете Петровне в реляции от 3 (14) марта о его желании перейти в «штатскую службу». Отмечая верность и рвение своего подчиненного, посол предложил создать для него специальный пост по делам черногорцев, желавших переехать в Россию, и аккредитовать в качестве поверенного в делах или каким-то другим способом. На листе перевода реляции сохранилась помета одного из секретарей вице-канцлера М.И. Воронцова с предложением произвести Левашева в надворные советники с жалованьем 800 руб. в год и «оставить в Вене поверенным под ответственность посла Кейзерлинга»¹⁹.

Однако Левашев, не зная о хлопотах своего начальника, неожиданно решил побороться за пост резидента в Регенсбурге, причем весьма необычным способом — обратившись с просьбой похлопотать за себя не кого-нибудь, а представителя императора Священной Римской империи на рейхстаге — главного комиссара имперского князя Александра Фердинанда Турн-унд-Таксиса (1704—1773), ведавшего также почтовым делом империи. Это был настоящий вельможа, проживавший в роскошном замке и принадлежавший к богатейшим и знатнейшим родам империи. О том, что такая просьба была высказана, нам известно из письма самого князя вице-канцлеру Воронцову от 9 (20) марта 1758 г. Остается только гадать, чем русский дипломат так поразил князя Турн-унд-Таксиса за несколько дней своего пребывания в Регенсбурге, если тот посвятил ему такие строки: «Я должен отдать должное господину Левашеву, поскольку с тех пор, как я имел честь видеть его здесь, он проявлял качества, достойные характеризованной персоны, которая имеет счастье служить великой императрице и которая может принести значительную пользу общим интересам союзных дворов»²⁰. Речь идет о союзе России и Австрии, заключенном в 1746 г. и ставшем основой для совместных действий против Пруссии.

Письмо пришло в Петербург 5 (16) апреля 1758 г., однако Воронцов ответил на него только 1 (12) декабря, уже будучи канцлером, рекомендуя князю Турн-унд-Таксису нового резидента²¹. Им еще 19 (30) марта 1758 г. был назначен Иван Симолин²², которому Воронцов счел необходимым сообщить о письме императорского комиссара с лестной характеристикой в адрес Левашева²³. Как в коллегии оценили рискованный поступок молодого дипломата, неизвестно, но 14 (25) апреля 1758 г. за выслугу лет его наконец зачислили на службу в ведомство и наряду с другими сотрудниками российских миссий за рубежом произвели в советники посольства с жалованьем 1200 руб. в год. Этот чин приравнялся к надворному советнику на гражданской службе и подполковнику — на военной²⁴. После того как в начале июня 1758 г. резидент Симолин, наконец, приехал в Регенсбург, Левашев в начале июля вернулся в Вену и был приведен к присяге в новом статусе²⁵.

23 апреля (4 мая) 1761 г. Елизавета Петровна назначила Г.К. фон Кейзерлинга главой, а И.М. Симолина секретарем российской делегации на мирный конгресс, который

¹⁷ Там же. Л. 84—85.

¹⁸ Там же. Л. 225—225 об.

¹⁹ Там же. Л. 171—172 об.

²⁰ Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1758. Д. 5. Л. 1—1 об. (на франц. яз.).

²¹ Там же. Л. 4—5.

²² Там же. Д. 4. Л. 1—1 об.

²³ М.И. Воронцов — И.М. Симолину, 1 декабря 1758 г. // Там же. Д. 2. Л. 83—84.

²⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1945. Л. 3—3 об.

²⁵ См. об этом в реляции Кейзерлинга от 26 июня (7 июля) 1758 г. // Там же. Л. 28.

должен был состояться в Аугсбурге в конце 1761 г., чтобы подвести итоги войны с Пруссией²⁶. Пост в Регенсбурге занял Павел Левашев, «верность и усердие» которого отмечались в кредитивной грамоте рейхстагу от 28 мая²⁷. Конгресс, как известно, не состоялся, и 15 (26) марта 1762 г. оба дипломата получили предписание от Петра III вернуться на прежнее место службы: Левашев – советником посольства в Вену, Симолин – в Регенсбург с повышением жалованья в чине канцелярии советника и в ранге министра²⁸.

До возвращения Симолин успел побывать в Петербурге, где с конца 1761 г. шли согласования кандидатуры нового вице-канцлера. По слухам, Елизавета Петровна собиралась назначить на этот пост посланника в Лондоне князя Александра Михайловича Голицына (1723–1807), за которого очень хлопотал канцлер Воронцов, но не успела²⁹. Назначение состоялось 9 июня 1762 г. уже при Петре III³⁰, менее чем за три недели до его свержения, и не было отменено Екатериной II. Оставаясь на своем посту до 1774 г., Голицын стал посредником между императрицей и российскими дипломатами, передавая их просьбы и жалобы, давая советы, в случае необходимости делая внушения. В отличие от ставшего в 1763 г. главой Коллегии иностранных дел Н.И. Панина (без чина канцлера) кадровых решений вице-канцлер не принимал и разработкой стратегии российской внешней политики не занимался, но это, безусловно, был человек на своем месте, умевший работать с людьми.

Познакомившись в Петербурге с А.М. Голицыным и зная о его грядущем назначении, И.М. Симолин еще 10 (21) апреля 1762 г. на пути в Регенсбург обратился к князю с просьбой при первой возможности похлопотать о его переводе к графу Кейзерлингу, к тому времени назначенному Петром III послом в Варшаву. Симолин предполагал, что сыну и наследнику престарелого саксонского курфюрста Фридриха Августа II (польского короля Августа III) Фридриху Кристиану не удастся наследовать польский престол после смерти отца, что повлечет за собой создание миссии в Дрездене, которую он рассчитывал со временем возглавить³¹. Поздравляя Голицына 15 (26) июля 1762 г. с назначением вице-канцлером и уже зная о восшествии на престол Екатерины II, Симолин повторил просьбу о переводе в Варшаву, аргументируя ее тем, что немолодой и отягощенный болезнями Кейзерлинг нуждается в его помощи и даже собирается обратиться с подобной просьбой в Коллегию иностранных дел³². Как показывают протоколы докладов ее руководства императрице, в 1762 г. этот вопрос на обсуждение не выносился.

Вероятно, узнав, что Кейзерлинг заинтересован в переводе Симолина в Варшаву, Левашев направил в феврале 1763 г. в коллегию официальную челобитную с просьбой об определении его резидентом в Регенсбург. Воронцов и Голицын предложили Екатерине II осуществить эту перестановку, но, ознакомившись с ведомостью предстоящих расходов, императрица решила все оставить без изменений³³.

В июле 1763 г. Симолин и Левашев были в шаге от того, чтобы добиться желаемого: первый – отзыва из Регенсбурга и перевода в Дрезден (Екатерина II решила создать это представительство, потому что ей нужен был наблюдатель в столице Саксонии), другой – возвращения в Регенсбург в ранге министра. Коллегия иностранных дел подготовила

²⁶ Решение было принято Конференцией при высочайшем дворе 23 апреля 1761 г., указы о назначении датированы 30 мая 1761 г. // Там же. Д. 103. Л. 249–249 об., 262–262 об.

²⁷ Там же. Л. 239–239 об.

²⁸ Копию кредитивной грамоты И.М. Симолину см.: Там же. Ф. 75. Регенсбургская миссия. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

²⁹ М.И. Воронцов – Елизавете Петровне, 26 сентября 1761 г. // Архив князя Воронцова. Т. 6. М., 1873. С. 261–264; М.И. Воронцов – Петру III, 27 декабря 1761 г. // Там же. Т. 7. М., 1875. С. 529.

³⁰ Послужной список А.М. Голицына см.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 7612. Л. 1.

³¹ Там же. Д. 3198. Л. 1–2 об. Переписка И.М. Симолина и А.М. Голицына велась на французском языке.

³² Там же. Л. 7–7 об.

³³ Протоколы докладов от 8 и 14 февраля 1763 г. // АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 820. Л. 64 об.; 68 об.

обоим верительные грамоты³⁴, но вскоре выяснилось, что кандидатура Симолина может быть неприятна саксонскому двору, поскольку его старший брат Карл, будучи министром в столице Курляндии Митаве, приложил руку к свержению принца Саксонского Карла с курляндского престола³⁵.

Несколько ранее Симолин предложил Екатерине II повысить ранг российского представителя в Регенсбурге до полномочного министра, чтобы добиться церемониального равенства с дипломатами Франции и Великобритании. Коллегия иностранных дел это решение не поддержала. В черновом докладе канцлера Воронцова от 19 августа 1763 г. говорилось: «Снабдение здешнего министра таким характером учинено быть может со временем, когда нужда и важность дел того востребуют; а как ныне таких дел в Регенсбурге нет, то, по мнению коллегии, лучше бы и безубыточнее казне министра здешнего тамо до времени оставить на прежнем основании, на каком и Левашев ныне отправлен». Екатерина II с этим мнением не согласилась. Коллегия указала императрице, что просто повысить Левашева в ранге невозможно, тогда она попросила представить ей других кандидатов. Причина в документе не указана, но, вероятно, чин надворного советника и скромный опыт самостоятельной службы не позволяли наделить Левашева характером полномочного министра. На его место было решено назначить С.В. Салтыкова (1726 — после 1764), ранее служившего посланником в Париже³⁶. Однако из-за церемониальных сложностей, с которыми сталкивались иностранные дипломаты на рейхстаге, решение о повышении ранга российского представителя так и не вступило в силу.

В итоге Симолин не поехал в Дрезден и остался в Регенсбурге почти на 10 лет, все это время мечтая сменить место службы. Главным его покровителем после смерти в 1764 г. графа Кейзерлинга был вице-канцлер Голицын, который помогал дипломату решать финансовые вопросы и в свою очередь пользовался его услугами в деле приобретения произведений искусства. Хотя Симолину удалось превратить миссию в Регенсбурге в важный центр российского присутствия в Германии, служба в этом городе его категорически не устраивала, поскольку здесь находился не монарший двор, а «всего лишь» собрание представителей имперских штатов. Деятельность европейских дипломатов при рейхстаге сводилась главным образом к ведению бесконечных споров о первенстве и старшинстве³⁷.

Новой целью карьерных устремлений Симолина был пост посланника в союзной Дании, ценившийся высоко в негласной иерархии дипломатических постов. С 1766 г. его занимал Михаил Михайлович Философов (1732—1811)³⁸, и Симолин, пользуясь старыми связями в Копенгагене, внимательно следил за положением дипломата при дворе и его передвижениями. Узнав, что, по слухам, Философов собирается покинуть свой пост, Симолин 15 (26) марта 1770 г. прямо написал вице-канцлеру о своих надеждах на новое место службы³⁹. В ответ пришло сообщение, что деятельностью посланника довольны и в Петербурге, и в Копенгагене и что сам он покидать свой пост не собирается. В числе других дипломатов Философов участвовал в заключении в 1768 г. соглашения между Россией и Данией об обмене герцогства Гольштейн-Готторп на

³⁴ Отпуска кредитивной грамоты П.А. Левашеву и отзывной грамоты Симолину от 23 июля 1763 г. // Там же. Ф. 83. Оп. 3. Д. 3. Л. 5—5 об., 7—7 об.; Рескрипт И.М. Симолину с уведомлением о назначении в Дрезден от 28 июля 1763 г. // Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 7222. Протоколы Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел. Л. 73—74.

³⁵ См. об этом в письме Г. Кейзерлинга Н.И. Панину от 29 декабря 1763 (9 января 1764 г.) // СИРИО. Т. 51. СПб., 1886. С. 493.

³⁶ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 30—31.

³⁷ См. подробнее: *Петрова М.А.* Дипломатическая миссия России при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге в царствование Екатерины II // *Российская история*. 2020. № 6. С. 63—76.

³⁸ Инструкция М.М. Философову от 18 июня 1766 г. // СИРИО. Т. 67. СПб., 1889. С. 20—28.

³⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3208. Л. 2.

графства Ольденбург и Дельменгорст. Правда, Голицын пообещал Симолину при первой возможности хлопотать перед императрицей и добиться для него такого поста, где его таланты могли бы раскрыться в полной мере⁴⁰.

8 (19) июня 1770 г. вице-канцлер был вынужден признаться, что его влияния вряд ли хватит для решения этого вопроса: «Моя дружба к вам и уважение, которое я имею к вашим заслугам, не позволили бы мне ждать слишком долго, чтобы обеспечить вам благоприятное положение, если бы я был в состоянии произвести в одиночку и без возражений это изменение, столь же полезное для дела, сколь справедливое по отношению к вам»⁴¹. Тогда по совету Голицына Симолин обратился 12 (23) июля к главе Коллегии иностранных дел Н.И. Панину с личным письмом, в котором просил отправить его «к какому-нибудь двору», где он мог бы служить императрице «с большим усердием, трудолюбием и пользой», чем в Регенсбурге, и «в более благоприятных условиях»⁴². В середине 1750-х годов они вместе служили в Стокгольме, затем встретились в 1762 г. в Петербурге. С тех пор Панин якобы неоднократно заверял дипломата в дружеских чувствах⁴³.

Письмо Панину, видимо, осталось без ответа, но в переписке с вице-канцлером Симолин по-прежнему высказывался довольно откровенно о своем желании получить пост именно в Копенгагене. Так, 12 (23) июля он сообщал, что в ближайшем окружении психически нездорового датского короля Кристиана VII намечаются перемены, вызванные ростом влияния графа Шака Карла Ранцау д'Ашберга (1717–1789), противника обмена Голштинии, и лейб-медика Иоганна Фридриха Струэнзе (1737–1772), и высказывал предположение, что при новом раскладе Философов захочет, чтобы его отозвали из Копенгагена, а императрице будет угодно назначить нового министра⁴⁴. 9 (20) августа Симолин предрекал скорую отставку пророссийски настроенного министра иностранных дел Дании Иоганна Бернсторфа (1712–1772), действительно состоявшуюся 2 (13) сентября 1770 г., и выражал мнение, что перемены, произошедшие при дворе, не оставят равнодушными Философова, чье отсутствие уже сыграло на руку тем, кто выступал против союза с Россией⁴⁵.

Нам остается вслед за Голицыным поразиться осведомленности Симолина и точности его прогнозов⁴⁶. Тучи вокруг Философова действительно начали сгущаться примерно в июне 1770 г. после его отъезда в отпуск на воды в Бад Пирмонт⁴⁷. Вернувшись в Копенгаген, он по приказу Екатерины II имел беседу с Кристианом VII о будущем российско-датских отношений, пытаясь удержать его от отставки Бернсторфа, но потерпел неудачу. Императрица не могла позволить себе под давлением отозвать Философова, поэтому ему было предписано «отлучиться в отечество под предлогом немощного здоровья», а в Копенгаген на должность поверенного в делах спешно перевели секретаря посольства в Стокгольме Ивана Ивановича Местмахера (1733–1805)⁴⁸. Попытки Симолина получить пост в Копенгагене были заведомо обречены, поскольку на фоне недружественных жестов датского двора вопрос о назначении нового посланника даже не поднимался и вновь возник только после ареста Струэнзе 6 (17) января 1772 г. и возвращения Бернсторфа на пост министра иностранных дел.

⁴⁰ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 17 апреля 1770 г. // Там же. Д. 5350. Л. 19 об.

⁴¹ Там же. Л. 29.

⁴² Экстракт из этого письма // Там же. Д. 3208. Л. 14.

⁴³ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 20 (31) мая 1770 г. // Там же. Д. 3207. Л. 34–34 об.

⁴⁴ Там же. Л. 13–13 об.

⁴⁵ Там же. Л. 27.

⁴⁶ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 29 сентября 1770 г. // Там же. Д. 5350. Л. 41.

⁴⁷ Н.И. Панин – М.М. Философову, 15 июля 1770 г. // СИРИО. Т. 97. СПб., 1896. С. 109–111.

⁴⁸ Н.И. Панин – М.М. Философову, 21 октября 1770 г. // Там же. С. 161–165.

Карьера П.А. Левашева также складывалась непросто. После несостоявшегося назначения в Регенсбург Екатерина II, по предложению Голицына, отправила его именным указом от 19 августа 1763 г. в Константинополь поверенным в делах для усиления российской миссии⁴⁹. Действующему резиденту Алексею Михайловичу Обрескову (1718–1787), не отличавшемуся крепким здоровьем, требовался надежный помощник и потенциальный преемник⁵⁰.

Прибыв в Константинополь в январе 1764 г., Левашев оказался в весьма затруднительном положении. Высокая Порта долгое время отказывалась официально признавать его поверенным в делах при наличии аккредитованного резидента, поскольку подобных прецедентов ранее не было: дипломаты, присылавшиеся на смену коллегам, обычно находились в миссии в качестве дворянина или советника посольства и приступали к своим обязанностям в новом статусе уже после отъезда предшественника. Начались долгие согласования, в результате которых Левашев все-таки был официально аккредитован при Высокой Порте 30 июня (11 июля) 1764 г.⁵¹

Другой, не менее острой, проблемой была ревность дипломатов друг к другу. Обресков, вроде бы сам ранее просивший об отзыве из Константинополя по состоянию здоровья, был явно расстроен присутствием более молодого коллеги. Левашев, рассчитывавший занять самостоятельный пост, не желал довольствоваться подчиненным положением и старался исподволь убедить руководство коллегии, что резидента надо поскорее отправить в Петербург, в красках повествуя о его болезни: «Холодной воздух гораздо ему полезней, нежели здешние жары и переменчивая погода, оное доказывается сими опытами, что зимою ему завсегда бывает свободней, летом же в крайнем изнеможении и расслаблении находится, чего ради все здешние доктора советуют ему отсюда выехать и что чрез дальнейшее ево в здешнем климате пребывание принужден он будет и свои здесь кости положить»⁵². В одном из писем вице-канцлеру Левашев позволил себе заметить, что отказ российского двора удовлетворить просьбу Обрескова о возвращении домой «подал здесь случай к разглагольствию некоторых, якобы российские министры все присылаются сюды на смерть, как то случилось с [А.А.] Вешняковым и [А.И.] Неплюевым»⁵³. Оба резидента скончались в Константинополе в 1745 и 1750 гг. соответственно.

Подобными соображениями дипломат делился и с графом Н.И. Паниным, и с канцлером М.И. Воронцовым, отправившимся осенью 1763 г. в путешествие за границу. Поначалу Екатерина II просила успокоить Левашева: «Его усердие место будет иметь, а теперь право нужда большая в Обрескове, понеже турки ему много верят»⁵⁴. Но спустя несколько месяцев вице-канцлеру, когда-то хлопотавшему за Левашева и активно пользовавшемуся его услугами в приобретении колониальных товаров⁵⁵, пришлось пристыдить его, потребовав «оставить господина Обрескова в покое и не распространяться о его изнеможении», спокойно дожидаясь своего жребия и получая жалованье: «Необыкновенное показалось здесь дело описывать болезнь другого

⁴⁹ Текст указа, отсутствующего в книге протоколов Секретной экспедиции, без указания места его хранения передан в книге: *Кессельбреннер Г.Л.* От Посольской избы до Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 2007. С. 400.

⁵⁰ Секретнейший рескрипт А.М. Обрескову от 10 октября 1763 г. с уведомлением о приезде Левашева // СИРИО. Т. 51. С. 26.

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Amelicheva M.V.* The Russian residency in Constantinople, 1700–1774: diss. Washington (D.C.), 2016. P. 530–536.

⁵² П.А. Левашев – А.М. Голицыну, 12 июля (н.стиль) 1764 г. // РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1920. Л. 3–3 об.

⁵³ П.А. Левашев – А.М. Голицыну, 18 августа (н.стиль) 1764 г. // Там же. Л. 7 об.

⁵⁴ Екатерина II – А.М. Голицыну, 18 июля 1764 г. // СИРИО. Т. 51. С. 419.

⁵⁵ Из переписки, хранящейся в РГАДА, следует, что Левашев покупал для Голицына ливанский кофе, розовую воду, алое, расшитые золотом и серебром кошельки.

человека с толь большими обстоятельствами, нежели сам больной когда-либо предъявлял». Поведение дипломата компрометировало вице-канцлера в глазах императрицы и явно не способствовало достижению поставленной цели⁵⁶.

Из текста этого недатированного письма следует, что оно стало ответом на три ноябрьских послания Левашева, год которых Голицын не указал. При публикации в сборнике Русского исторического общества письмо было помещено среди документов конца 1765 г. Между тем в РГАДА сохранился ответ Левашева от 5 (16) марта 1765 г. на письмо вице-канцлера от 11 января, которое в пересказе дипломата совпадает по содержанию с опубликованным. Не на шутку встревоженный Левашев уверял, что писал о нездоровье Обрескова без тайного умысла, желая оказать ему услугу, зная, что Екатерина II не хочет отпускать опытного резидента, а тот неоднократно жаловался на тяжелое состояние. Превратное толкование своих писем Левашев объяснял происками недоброжелателей и сокрушался, что все успехи константинопольской миссии в урегулировании российско-османских отношений, обострившихся в связи с избранием Станислава Понятовского королем Речи Посполитой в сентябре 1764 г., приписываются исключительно заслугам Обрескова, которого в начале 1765 г. пожаловали чином тайного советника. В заключение дипломат довольно самонадеянно утверждал, что, «когда Бог изволит», он останется в Константинополе один и сможет, наконец, показать и свои «слабые таланты в открытии полезных путей к употреблению в здешней стороне болших корыстей и славы для российской империи» и тем самым оправдать участие в своей судьбе Голицына, которого, впрочем, заверял, что находится с Обресковым в «доброй дружбе»⁵⁷. Больше ничего подобного дипломат себе не позволял.

Урегулирование конфликта пришлось как нельзя кстати, поскольку именно в этот момент Порта вновь поставила вопрос об аккредитации Левашева. В Константинополе некоторое время полагали, что из-за тяжелой болезни Обресков вскоре покинет свой пост, но когда этого не произошло, предпочли работать именно с ним и потребовали официального отзыва второго дипломата. Обресков несколько месяцев безуспешно боролся за коллегу, затем предложил Екатерине II все-таки его отозвать, руководствуясь, вероятно, и личными мотивами, но императрица никогда не шла на уступки в вопросах государственного престижа. В итоге Левашев, хотя и не был лишен аккредитации, перестал появляться на официальных приемах⁵⁸.

О смене Обрескова речь больше не заходила: его знания и опыт были востребованы российским двором⁵⁹, а Левашев не столь хорошо разбирался в хитросплетениях международной политики и, по-видимому, больше стремился к личной славе. Прослужив в Константинополе до разрыва отношений с Портой 25 сентября 1768 г., он был заключен в Семибашенный замок вместе с другими сотрудниками российской миссии. После освобождения в мае 1771 г. Левашев вернулся в Петербург и по именному указу Екатерины II от 15 ноября получил чин действительного статского советника. Некоторое время он занимался подготовкой драгоманов (переводчиков с восточных языков) при Коллегии иностранных дел, писал книги о своих приключениях в Турции⁶⁰ и на дипломатическую службу больше не вернулся.

В то же самое время в опасное путешествие на Восток собирался Симолин. Летом 1771 г. он обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой покинуть свой пост

⁵⁶ СИРИО. Т. 57. СПб., 1887. С. 431.

⁵⁷ После публикации неверный год письма Голицына перешел и в историографию. См.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1921. Л. 7–9. См.: *Кессельбреннер Г.Л.* Указ соч. С. 404; *Amelicheva M.* Op.cit. P. 547.

⁵⁸ *Amelicheva M.* Op. cit. P. 542–548.

⁵⁹ См., например: Н.И. Панин – А.М. Обрескову, 24 октября 1766 г. // СИРИО. Т. 67. С. 190–191.

⁶⁰ [Левашев П.А.] Цареградские письма. СПб., 1789; *Его же.* Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпленных ими в Царь-граде... СПб., 1790; *Его же.* Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков... СПб., 1792.

в Регенсбурге на несколько месяцев, чтобы поехать в Италию. Ответ графа Панина с высочайшим разрешением об отпуске пришел только в октябре, но вместо Италии дипломату предписали прибыть в Петербург⁶¹. Там он получил приказ ехать в ставку главнокомандующего русской армией графа П.А. Румянцева и вести от его имени переговоры с Османской империей о заключении перемирия. 19 (30) мая 1772 г. перемирие в Журжево (ныне Джурджу в Румынии) было подписано⁶², а 31 июля (11 августа) 1772 г. Екатерина II произвела Симолина в действительные статские советники и назначила чрезвычайным посланником и полномочным министром в Копенгаген⁶³. Успешно служивший в Дании поверенным в делах И.И. Местмахер этот пост не занял, а остался при новом дипломате советником посольства: коллегия внимательно следила за очередностью повышения своих сотрудников. Впоследствии Симолин, в 1776 г. получивший от короля Польши баронский титул, представлял интересы России в Стокгольме (1774–1779 гг.), Лондоне (1779–1784 гг.) и Париже (1784–1792 гг.). В 1792 г. он был назначен дипломатическим агентом при войсках антифранцузской коалиции и проживал преимущественно в Вене. Получив в 1798 г. назначение в Испанию в ранге чрезвычайного и полномочного посла, выехать туда не успел.

Комментируя 3 (14) января 1772 г. слухи о возможной отправке Симолина к Румянцеву, австрийский посланник в Петербурге Йозеф Лобковиц недоумевал, почему на переговоры с Османской империей направляют едва ли не единственного в России знатока германских дел, а не используют опыт куда более разбирающегося в восточных делах Левашева, освобожденного из турецкого плена⁶⁴. Рассматривалась ли какая-то другая кандидатура для ведения переговоров, еще предстоит выяснить, но Екатерина II не могла не понимать, что подписание перемирия недавним узником было бы униительно для противоположной стороны. Ремарка Лобковица заслуживает внимания не только в контексте негласного соперничества двух дипломатов, но и потому, что их профессиональные качества стали предметом обсуждения и высоко оценивались в придворных кругах.

Анализ переписки Симолина и Левашева с вице-канцлером Голицыным позволяет заключить, что для продвижения по службе они действовали примерно одинаково: напоминали сильным мира сего о своих прошлых и текущих достижениях, оказывали им услуги в приобретении произведений искусства или предметов роскоши, пытались бросить тень на возможных соперников или даже устранить их. Отсутствие меры в реализации этой стратегии, попытки слишком громко заявлять о себе или компрометировать коллег не поощрялись руководством Коллегии иностранных дел. Возможно, в том числе поэтому Левашев оставил дипломатическую службу после освобождения из плена, хотя и был пожалован чином действительного статского советника. Для Симолина, куда более терпеливо ожидавшего своей участи на протяжении 14 лет пребывания в Регенсбурге, получение этого чина, напротив, стало новым этапом в карьере, которая складывалась весьма удачно для сына шведского пастора, начинавшего свой путь канцелярии юнкером и окончившего его чрезвычайным и полномочным послом. Существовали и объективные факторы, мешавшие карьерному росту дипломатов, которые они не всегда были готовы учитывать: отсутствие вакантных постов, успешное выполнение соперниками своих обязанностей, а также конфликты с иностранными дворами, при определенных обстоятельствах не позволявшие российским монархам из соображений государственного престижа производить необходимые замены.

⁶¹ См. письма И.М. Симолина А.М. Голицыну об этом от 1 (12) августа, 26 сентября (8 октября), 10 (21) октября 1771 г. // РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3209. Л. 83, 105–105 об.; Д. 3210. Л. 134.

⁶² Оригинал свидетельства П.А. Румянцева от 22 июня 1772 г. с лестными словами в адрес Симолина // Там же. Ф. 205. Бумаги Симолина. Д. 3. Л. 98–98 об.

⁶³ СИРИО. Т. 118. СПб., 1904. С. 172.

⁶⁴ Там же. Т. 125. СПб., 1906. С. 9.

Библиография

- Архив князя Воронцова. Т. 6. М., 1873; Т. 7. М., 1875.
- Kesselbrenner G.L.* От Посольской избы до Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 2007.
- [*Levashev P.A.*] Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков... СПб., 1792.
- [*Levashev P.A.*] Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпленных ими в Царь-граде... СПб., 1790.
- [*Levashev P.A.*] Цареградские письма. СПб., 1789.
- Петрова М.А.* «Интерес Наш востребовал учинить перемену мест»: назначения на дипломатические посты в первые годы правления Екатерины II // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840005221-2-1/> (дата обращения: 18.05.2021).
- Петрова М.А.* Дипломатическая миссия России при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге в царствование Екатерины II // Российская история. 2020. № 6. С. 63–76.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 51, 57, 67, 97, 118, 125, 136. СПб., 1885–1912.
- «Скаски» елизаветинской России (опрос сановников, сотрудников госучреждений, придворных при дворе Елизаветы Петровны, 1754–1756 гг.) / публ. (и вступ. ст.) К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XV. М., 2007.
- Стегний П.В.* Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2002. № 1 (20). С. 5–28.
- Турилова С.Л.* История внешнеполитического ведомства России (1700–1832 гг.). К 200-летию МИД России. М., 2000.
- Amelicheva M.V.* The Russian residency in Constantinople, 1700–1774: diss. Washington (D.C.), 2016.
- Bély L.* L'invention de la diplomatie // Pour l'histoire des relations internationales / red. R. Frank. Paris, 2012. P. 107–137.
- Callières F. de.* De la manière de negocier avec les souverains; ou De l'utilité de Négociations, du Choix des Ambassadeurs & des Envoyés, & des Qualités nécessaires pour réussir dans ces Emplois / Par Mr. de Callières... Nouvelle Edition, considérablement augmentée par M***: in 2 vols. London, 1750.
- Joukovskaia A.* Le service diplomatique russe au XVIIIe siècle. Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères: diss. Paris, 2002.
- McKay D., Scott H.M.* The Rise of Great Powers, 1648–1815. London – New York, 1983.

References

- Arkhip knyazya Vorontsova [The Archives of Prince Vorontsov]. Vol. 6. Moskva, 1873; Vol. 7. Moskva, 1875. (In Russ.)
- Kesselbrenner G.L.* Ot Posol'skoj izby do Ministerstva inostrannykh del [From the Ambassadorial house to the Ministry of foreign affairs]. Vol. 1. Moskva, 2007. (In Russ.)
- [*Levashev P.A.*] Caregradskie pis'ma [Tsaregrad letters]. Sankt-Peterburg, 1789. (In Russ.)
- [*Levashev P.A.*] Kartina, ili Opisanie vseh nashestvij na Rossiyu tatar i turkov... [A picture, or a description of all the invasions of Russia by the Tatars and Turks...]. Sankt-Peterburg, 1792. (In Russ.)
- [*Levashev P.A.*] Plen i stradanie rossijan u turkov, ili Obstoyatel'noe opisanie bedstvennykh prikluchenij, preterplennykh imi v Car'-grade... [The captivity and suffering of the Russians among the Turks, or a detailed description of the disastrous adventures they endured in Tsar-grad...]. Sankt-Peterburg, 1790. (In Russ.)
- Petrova M.A.* “Interes Nash vstreboval uchinit' peremenu mest”: naznacheniya na diplomaticheskie posty v pervye gody pravleniya Ekateriny II [“Our interest demanded to make a change of places”: appointments to diplomatic posts in the first years of the reign of Catherine II] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2019. Vol. 10. Vyp. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840005221-2-1/> (access date: 18.05.2021). (In Russ.)
- Petrova M.A.* Diplomatskaya missiya Rossii pri Postoyannom rejkhstage v Regensburge v tsarstvovanie Ekateriny II [The Russian diplomatic mission at the Perpetual Diet in Regensburg during the reign of Catherine II] // Rossijskaya istoriya [Russian history]. 2020. № 6. P. 63–76. (In Russ.)
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Proceedings of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 51, 57, 67, 97, 118, 125, 136. Sankt-Peterburg, 1885–1912. (In Russ.)

“Skaski” elizavetinskoj Rossii (opros sanovnikov, sotrudnikov gosuchrezhdenij, pridvornyh pri dvore Elizavety Petrovny, 1754–1756 gg.) / publ. (i vstup. st.) K.A. Pisarenko [“Skaski” of Elizabethan Russia (a survey of dignitaries, employees of state institutions, servants at the court of Elizabeth Petrovna, 1754–1756) / publ. (and intro.) K.A. Pisarenko] // Rossijskij arhiv: istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [Russian Archive: the history of the Fatherland in certificates and documents of the 18th–20th centuries]. Vol. XV. Moskva, 2007. (In Russ.)

Stegnij P.V. Kollegiya inostrannykh del v period pravleniya Ekateriny II [Board of Foreign Affairs during the reign of Catherine II] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya “Mezhdunarodnye otnosheniya” [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relations series]. 2002. № 1 (20). P. 5–28. (In Russ.)

Turilova S.L. Istoriya vneshnepoliticheskogo vedomstva Rossii (1700–1832 gg.). K 200-letiyu MID Rossii [The history of the Russian foreign office (1700–1832). To the 200th anniversary of the Russian Foreign Ministry]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Amelicheva M.V. The Russian residency in Constantinople, 1700–1774: diss. Washington (D.C.), 2016.

Bély L. L'invention de la diplomatie // Pour l'histoire des relations internationales / red. R. Frank. Paris, 2012.

Callières F. de. De la manière de negocier avec les souverains: ou De l'utilité de Négociations, du Choix des Ambassadeurs & des Envoyés, & des Qualités nécessaires pour reussir dans ces Emplois / Par Mr. de Callières... Nouvelle Edition, considerablement augmentée par M***: in 2 vols. London, 1750.

Joukovskaïa A. Le service diplomatique russe au XVIIIe siècle. Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères: diss. Paris, 2002.

McKay D., Scott H.M. The Rise of Great Powers, 1648–1815. London – New York, 1983.